

Чтеніе и раздѣлилось на двѣ части). Тѣмъ не менѣе онъ и самъ не думалъ скрывать, что пользовался трудами другихъ; ясно выразился онъ объ этомъ въ окончательномъ заключеніи: «опаснѣ вѣдущихъ исписаи, другаи самъ свѣды, отъ многихъ мало выписахъ». Гдѣ ему казалось необходимо, онъ обозначилъ, отъ кого именно слышалъ то, что передалъ, и не считъ нужнымъ обозначать, чѣмъ пользовался опаснѣ исписая, можетъ быть, потому, что не переписывалъ дословно, а только извлекалъ факты, выражая ихъ по своему. Онъ пользовался произведеніями другихъ писателей; но какими же именно? Нѣкоторые краткія Чтенія (напр. въ рпсх Румяц. Муз. № 434 *) могутъ наводить на заключеніе, что въ нихъ укрывается тотъ древній памятникъ, которымъ Несторъ пользовался какъ пособіемъ; но пока не будутъ рассмотрѣны многіе изъ этихъ списковъ, такое заключеніе будетъ оставаться предположеніемъ, до нѣкоторой степени произвольнымъ: могло быть и напротивъ, что краткіе списки Чтенія составились какъ сокращенія Чтенія подробнаго. Другихъ древнихъ памятниковъ вовсе нѣтъ въ виду, кромѣ Сказаній, приписываемыхъ Іакову. Сравнивая эти Сказанія съ Чтеніемъ, не придемъ, повидимому, такъ же ни къ какому положительному выводу: изложеніе въ этихъ памятникахъ—и въ отношеніи къ словамъ и въ отношеніи къ подробностямъ нѣкоторыхъ фактовъ—кажется столь различно отъ изложенія Чтенія, сколько можетъ быть въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ совершенно независимо одно отъ другаго. Есть впрочемъ одно мѣсто, одно случайное выраженіе Чтенія, которое заставляетъ глядѣть на взаимное соотношеніе этихъ памятниковъ совершенно иначе. Послѣ пожара церкви, въ которой покоились мощи св. Бориса и Глѣба до ихъ открытія, «ископавше—говоритъ Несторъ—изнесоша ковьцега сѣго ѿ ядръ земляныхъ... и... ѿкрыша рацѣ.... потомъ же рацѣ взявше сѣю внесоша же въ прежереченую клѣтку». Все въ рассказѣ Нестора кажется полнымъ до самаго упоминанія о клѣтицѣ. Объ этой клѣтицѣ, поставленной, какъ видно, нарочно, на время, пока будетъ выстроена церковь, Несторъ не говоритъ ни прежде ни послѣ ничего, такъ что слово «прежереченую» въ Чтеніи во все неумѣстно. Оно можетъ заставить подозрѣвать, не пропущено ли въ спискахъ Чтенія какое нибудь выраженіе, гдѣ упоминалось о клѣтицѣ; но все списки (на сколько они мнѣ извѣстны) ничѣмъ не укрѣпляютъ этого подозрѣнія: основываясь

*) При составленіи выше представленной записки о древнихъ жизнеописаніяхъ Русскихъ князей я не имѣлъ ихъ въ виду, и потому не упомянулъ о нихъ.

на нихъ, можно думать, что упоминаніе о клѣтицѣ пало подъ перо самого Нестора случайно. Откуда же оно зашло? Отвѣтъ на это находимъ въ Сказаніи о чудесѣхъ, гдѣ о томъ же обстоятельстве сказано слѣд.: «И повелѣ (архіепископъ) поити въ похрьстьхъ Вышегороду и приидоша до мѣста, идѣ же глѣжаста сѣаи; бѣ же тѣ съ ними и Ірославъ князь. И поставили бяху клѣтѣцю малѣ на томъ мѣстѣ, идѣ же цркви съгорѣ. Архипископъ же приидѣ со крѣсты и въ той клѣтѣцѣ сътвори всенощнокъ пѣти... и наставѣши дѣни иде и архипископъ съ крѣсты, князь и люди, иде же лежаста сѣю тѣлеса, и сътвори молитву повелѣ надъ гробомъ сѣю персть откопати... и изнесоша сѣю... и внесъше въ тѣ храмниѣ, каже бѣ на мѣстѣ погорѣвшемъ цркви, поставиша ка надъ землею на деснѣи странѣ». Определенность этого рассказа противоположная съ недосказанностію рассказа Нестора достаточна для оцѣненія его важности; по крайней мѣрѣ до открытія новыхъ данныхъ можетъ оставаться несомнѣннымъ, что Сказаніе о чудесѣхъ было въ этомъ случаѣ источникомъ для Несторова рассказа: изъ него зашло въ Чтеніе Нестора упоминаніе о клѣтицѣ. Если же Несторъ въ своемъ Чтеніи пользовался этимъ Сказаніемъ при описаніи перваго открытія мощей св. Бориса и Глѣба; то что же ему мѣшало пользоваться имъ и въ другихъ мѣстахъ? При такомъ взглядѣ сличеніе рассматриваемыхъ памятниковъ становится болѣе значительнымъ. Кромѣ выбора словъ и выраженій отличаютъ Сказанія отъ Чтенія и нѣкоторыя подробности въ изложеніи событій, особенно въ рассказѣ о чудесахъ; но за исключеніемъ этихъ подробностей, остается въ содержаніи Сказаній и Чтенія очень много общаго; а это заставляетъ предполагать, что оба Сказанія (о житіи и о чудесѣхъ) были однимъ изъ главнѣйшихъ пособій для Нестора при составленіи имъ своего Чтенія. Если же оба Сказанія были употреблены Несторомъ, какъ пособіе, то очевидно, что они составлены были прежде чѣмъ Несторово Чтеніе. Считаю же несомнѣннымъ, что Несторъ жилъ во второй половинѣ XI вѣка, надобно согласиться, что Сказанія писаны не позже это времени. Можно даже заключать, что если и та часть лѣтописи Нестора, въ которой помѣщенъ рассказъ о Борисѣ и Глѣбѣ, писана самимъ Несторомъ, то писана она прежде Чтенія: иначе бы Нестору не для чего было вносить въ свою лѣтопись чужое повѣствованіе вмѣсто своего,—и повѣствованіе именно то самое, которымъ онъ пользовался для Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ.—Такимъ образомъ и еще однимъ доказательствомъ утверждается древность Сказаній, приписываемыхъ мнѣ Іакову.